

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(8Авс)-44
Х21

Jane Harper
THE LOST MAN

Серия «Новый мировой триллер»

Печатается с разрешения
Curtis Brown UK и The Van Lear Agency

Перевод с английского *Анны Чижовой*

Харпер, Джейн.

Х21 Под палящим солнцем : [роман] / Джейн Харпер ; [перевод с английского А. Чижовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 384 с. — (Новый мировой триллер).

ISBN 978-5-17-121686-3

Квинсленд, самые жаркие и засушливые территории Австралии.

Два брата, Нэйтан и Баб Брайт, впервые за несколько лет встречаются на границе своих обширных владений. У могильного камня, настолько старого, что никто уже не вспомнит кто именно там похоронен, они находят тело их среднего брата, Кэмерона. Нет ни следов борьбы, ни каких-либо улики. Все говорит о том, что причиной смерти стали жара и обезвоживание. Что же заставило Кэмерона выйти под палящее солнце? Какую загадочную цель он преследовал? Натан пытается найти ответы, и одна за другой начинают вскрываться давно забытые и тщательно скрываемые семейные тайны.

УДК 821.113.6-312.4
ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-121686-3

© Jane Harper 2018
© Чижова А., перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Пити и Шарлотте с любовью

Пролог

С высоты было видно, что следы на земле образуют круг. Далеко не идеальной формы, с искаженными линиями, которые где-то утолщались, где-то становились тоньше, пока не прерывались совсем. А еще круг не был пустым.

В центре стояло надгробие, выщербленное и отполированное за сотню лет противостояния ветру, солнцу и песку. Оно возвышалось на метр в высоту и держалось на удивление прямо. Обращено оно было на запад, к пустыне — странный выбор для этих мест. Пустыню не выбирал никто.

Имя человека, покоящегося здесь, давным-давно стерлось, и это место в здешних краях было известно как могила *стокмана** всем шестидесяти пяти жителям с их сотысячным поголовьем скота. Этот участок земли никогда не был кладбищем, стокмана просто закопали там, где он умер, и за сотню лет никто к нему не присоединился.

Проведя рукой по изношенному камню, редкий посетитель мог обнаружить в углублениях неполную дату. Единица, восьмерка и девятка — тысяча восемь-

* Стокман — скотовод, погонщик скота в Австралии.

сот девяносто какой-то. Только три слова все еще можно было прочитать. Они вырезаны ниже, где были лучше укрыты от стихий. Или, быть может, их с самого начала высекали глубже; сообщение было важнее человека. Надпись гласила:

...кто сбился с пути...

Долгие месяцы, а иногда и целый год, ни один человек не проходил мимо, и тем более не останавливался, чтобы разобрать стершуюся надпись, щурясь в лучах предзакатного солнца. Даже коровы предпочитали здесь не задерживаться. Песчаная земля была скудной одиннадцать месяцев в году, чтобы в оставшийся скрыться под мутной паводковой водой. Животные тянулись на север, где корма было больше, а деревья отбрасывали тень.

Так что могила в полном одиночестве ютилась рядом с забором из трех тонких рядов проволоки. Забор тянулся на десятки километров на восток, к дороге, и на сотни — на запад, в пустыню, где горизонт распростерся так беспрепятственно далеко, что, казалось, можно было увидеть изгиб планеты. Это была земля миражей, где жидкие деревца призрачно трепетали вдалеке на фоне несуществующих озер.

Одинокая ферма была где-то на севере от забора, и еще одна — на юге. Ближайшие соседи находились в трех часах езды на машине друг от друга. Шоссе на востоке от могилы было не видно. Хотя шоссе — это громко сказано. Молчание этого широкого грязного тракта целыми днями не нарушала ни одна машина.

Рано или поздно по этой дороге можно было попасть в Баламару — городишко, состоящий на самом деле из одной улицы, рассеянное население которого

Под палящим солнцем

запросто умещалось в одной просторной комнате. Полторы тысячи километров восточнее располагались Брисбен и побережье.

В определенные дни небо над могилой стокмана начинало вибрировать в шуме вертолета. Маневрируя, пилоты с воздуха перегоняли скот на расстояния, сравнимые с территорией не одной европейской страны. Но сейчас небо было пустым и гигантским.

Позже — слишком поздно — вертолет будет пролетать здесь необычно медленно и низко. Сначала пилот заметит машину, блеск ее раскаленного металла. На могилу в отдалении он обратит внимание лишь случайно, высматривая подходящее место для посадки.

Пилот не увидит пыльного круга. Вспышка голубой материи на красной земле — вот что бросится ему в глаза. Рабочая рубашка, расстегнутая, практически сброшенная. Температура в последние дни достигала сорока пяти градусов в полуденный пик. Незащищенная кожа растрескалась на солнце.

Позже те, кто все же увидят следы на земле, будут всматриваться в далекий горизонт, чтобы не думать о том, как они появились.

Надгробие отбрасывало худую тень. Она была здесь единственной и ускользала, расширяясь и сжимаясь в движении солнечных часов. Человек полз, а затем волочил свое тело, пытаясь угнаться за ней. Он скрючивался, вжимался в эту тощую темноту в самых неестественных позах, молотя и взрывая землю тем отчаяннее, чем сильнее изводили его страх и жажда.

Ночь принесла ему короткую передышку, но солнце снова взошло, и ужасное коловращение возобно-

Джейн Харпер

вилось. На второй день все длилось уже не так долго. Когда солнце поднялось выше, человек все же боролся. Он гнался и гнался за тенью, пока не обессилел окончательно.

Пыльный круг прервался прямо перед тем, как замкнуться. Почти двадцать четыре часа, и, наконец, когда Земля совершила полный оборот вокруг своей оси, тень продолжила свое движение в одиночестве, а человек остался неподвижно лежать в центре пыльной могилы один на один с чудовищным небом, — стокман обрел компанию.

Глава 1

Нэйтан Брайт не видел ничего и вдруг — увидел все сразу.

Он только-только въехал на холм, вцепившись руками в руль, чтобы не уступить контроль бездорожью, как внезапно вся сцена предстала пред ним. Она, видимая в отдалении, предоставила слишком много времени на то, чтобы рассмотреть ее по мере приближения. Он бросил взгляд на заднее сидение.

«Не смотри», — хотел было сказать он, но не стал. Бессмысленно. Взгляд невозможно было отвести.

Все же он остановился дальше от забора, чем было нужно. Поставил машину на ручник, ни двигатель, ни кондиционер не выключал. Оба с натугой продолжали протестовать декабрьской жарой Квинсленда.

— Сиди в машине, — сказал Нэйтан.

— Но...

Нэйтан захлопнул дверь, прежде чем смог услышать остальное. Он подошел к забору, раздвинул две проволоки и пролез со своей земли на землю брата.

Рядом с могилой стокмана стоял другой джип, наверху с такими же всю работу выполняющими двигателем и кондиционером. Нэйтан поправлял забор, когда

дверь водителя открылась и показался его самый младший брат.

— Здорово, — крикнул Баб, когда Нэйтан приблизился достаточно, чтобы услышать.

— Привет.

У могилы они встретились. Нэйтан знал, что рано или поздно посмотреть придется. Но, оттягивая этот момент, он начал разговор:

— Когда ты..., — он услышал позади движение и пригрозил. — Эй! Я же сказал, сиди в машине! — Ему пришлось кричать из-за расстояния, и слова прозвучали резче, чем он хотел. Он добавил мягче: — Посиди в машине.

Не сильно лучше, но, по крайней мере, его сын послушался.

— Я и забыл, что с тобой Ксандер, — сказал Баб.

— Ага. — Нэйтан подождал, пока сын захлопнет дверь. Сквозь лобовое стекло он видел силуэт Ксандера: в свои шестнадцать тот уже больше походил на мужчину, чем на мальчика. Нэйтан повернулся к брату. К тому, что стоял перед ним. Их третий, средний, брат Кэмерон лежал у их ног, рядом с основанием надгробия. Скрытый, слава богу, выцветшим брезентом.

Нэйтан начал снова:

— Давно ты здесь?

Баб задумался, как он делал всегда, перед тем как ответить. Его глаз почти не было видно под полями шляпы, а речь была немного медленнее, нежели обычно.

— Со вчерашнего вечера. Приехал перед тем, как стемнело.

— Дяди Гарри не будет?

Баб снова помолчал, потом покачал головой.

— Где он? Дома с мамой?

— И Ильзой, и девочками, — добавил Баб. — Он предлагал, но я сказал, что ты уже едешь.

— Наверно и хорошо, что он остался с мамой. Были проблемы в дороге?

Нэйтан наконец посмотрел на большой брезентовый сверток у ног. Падальщики им наверняка уже интересовались.

— Ты про динго?

— Да, брат. — Разумеется. Про кого же еще? Выбор в этих местах не велик.

— Пришлось пару раз выстрелить, — Баб почесал ключицу, и Нэйтану стала видна западная звезда татуировки Южного креста у него на груди. — Но в целом ничего.

— Ясно. Хорошо, — Нэйтан узнавал обычную для разговоров с Бабом беспомощность. Он подумал, что Кэмерон, как всегда, сумел бы сгладить углы, как вдруг осознание больно кольнуло где-то под ребрами. Он заставил себя сделать глубокий вздох, и раскаленный воздух обжег глотку и легкие. Всем было тяжело.

Глаза Баба были красные, лицо, заросшее и потрясенное, как и, собственно говоря, лицо Нэйтана. Некоторое сходство между ними можно было уловить. Проследить родство было бы гораздо проще с Кэмероном, который делал братские отношения понятнее, и, находясь посередине, разрешал многие конфликты. Баб выглядел уставшим и в последнее время казался Нэйтану старше, чем он его себе представлял. С разницей между ними в двенадцать лет Нэйтан удивлялся всякий раз, видя своего брата тридцатилетним мужчиной, а не младенцем в пеленках.

Нэйтан сел на корточки рядом с брезентом, который выцвел на солнце и местами был подоткнут, как простыня.

— Ты смотрел?

— Нет. Сказали ничего не трогать.

Нэйтан ему не поверил. То ли из-за тона, то ли из-за того, как брезент лежал с краю, и был прав: стоило ему потянуться, как Баб издал клокочущий звук.

— Не надо, Нэйт. Там все плохо.

Врать Баб никогда не умел. Нэйтан отдернул руку и встал.

— Что произошло?

— Я не знаю. Только то, что передавали по рации.

— Да, да. Но я много из этого пропустил, — Нэйтан не смотрел Бабу в глаза.

Баб переступил с ноги на ногу.

— Я думал, ты обещал матери ее не выключать.

Нэйтан не ответил, и Баб не стал наседать. Нэйтан оглянулся назад, на свою землю за забором. Было видно, как Ксандер нетерпеливо ерзает на пассажирском сидении. Последнюю неделю они провели, передвигаясь вдоль южной границы, днем работали, ночью спали в палатках. Прошлым вечером они как раз заканчивали, когда неожиданно воздух завибрировал в гуле вертолета — черной птицы в перенасыщенной синеве умирающего дня.

— Почему он летает так поздно? — спросил Ксандер, всматриваясь в небо. Нэйтан не ответил. Вечерний полет. Опасное предприятие и дурной знак. Что-то случилось. Они включили рацию, но к тому времени было уже слишком поздно.

Теперь Нэйтан смотрел на Баба.

— Слушай, не так уж много я и пропустил, но это не значит, что я что-то понял.

Небритая щека Баба дернулась. *Добро пожаловать в клуб.*

Под палящим солнцем

— Брат, я понятия не имею, что случилось, — повторил он.

— Ладно-ладно. Просто расскажи, что знаешь.

Нэйтан старался быть как можно сдержаннее. Прошлым вечером он обменялся с Бабом парой слов, когда стемнело, сказал, что выезжает на рассвете. У него были сотни вопросов, но он не задал ни одного. Не на открытой частоте, где каждый мог услышать.

— Когда Кэм уехал из дома? — Начал снова Нэйтан, потому что Баб, похоже, не понимал, как начать.

— Позавчера утром, по словам Гарри. Около восьми.

— То есть в среду.

— Да, наверно. Сам я не видел. Уехал еще во вторник.

— Куда?

— Проверить пару скважин на пути к северному пастбищу. По плану я должен был там заночевать и в среду поехать к Кэму в Леманс Хилл.

— Зачем?

— Чинить радиовышку.

То есть чинил бы, ясное дело, Кэм, подумал Нэйтан. Баб был нужен скорее, чтоб подавать гаечный ключ. Ну и для количества. Леманс Хилл был у западной границы их земель, в сутках езды от дома. Если ретранслятор здесь не работал, то длинноволновая связь пропадала везде.

— И что пошло не так? — спросил Нэйтан.

Баб не отрываясь смотрел на брезент.

— Я опоздал. Мы должны были встретиться в районе часа, но я застрял по дороге. Добрался до Леманс Хилл на два часа позже.

Нэйтан ждал.